

БЕСЕДА ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ

Первые же пьесы Михаила Ворфоломеева «Занавески», «Польнь», «Святой и грешный» принесли автору известность. В этих произведениях, как и в более поздних, несмотря на их непохожесть, прослеживаются постоянные мотивы: раздумья о мире, в котором мы живем, о сегодняшнем дне, о человеческих судьбах. Впрочем, все главные темы автора как бы сконцентрированы, воплощены в пьесе, которая так и называется — «Мотивы».

— Михаил Алексеевич, эта ваша работа, как никакая иная, вызвала большое количество откликов в прессе. Многие рецензенты причислили «Мотивы» к пьесам экологическим. Согласны ли вы с этим?

— Нет, решительно не согласен. Я никогда не писал специально экологических пьес. Да, думаю, таких пьес и вообще быть не может. Конечно же, меня беспокоит потребительское отношение к природе, ко всему живому. Моя пьеса, как мне кажется, не только об «охране окружающей среды», но — что очень важно — о сохранении самого человека, его высочайших нравственных качеств. Сегодня уже совершенно ясно: мы можем погибнуть не только от ядерной катастрофы, но и от того, что перестали искренне любить, искренне жалеть. Я думаю, что это беда многих. Хочу, чтобы мой сын и дочь не были глухи к чужому горю и умели сострадать. Да разве только о моих детях идет речь!.. Так что в «Мотивах» мне хотелось рассказать о том, что давно наболело, мучило. Почему, скажем, всегда тихий Кузьма Ковригин — герой «Занавесок» — однажды при всем честном народе отхлестал кнутом предсе-

дателя колхоза? Почему один чувствует себя иззяном, как Лобов из моей новой пьесы «Дожди»: «Это моя земля! Я на ней работаю... Я пришел на эту землю кормить людей!» — а другой, вроде Кутайсова из «Мотивов», разворачивает жизнь, как шахматную доску, и люди для него всего лишь фигуры на этой доске. Меня интересуют прежде всего мотивы человеческого поведения в разных жизненных ситуациях. Главное — как живет чело-

век, прежде чем его детище появится на сцене. Только зритель может определить истинную судьбу спектакля. Он приходит и голосует: я хочу смотреть! И смотрит, а если ему неинтересно, уходит. Думается, мы сейчас живем в благодатный период, когда многое можно кардинально исправить. Как мне кажется, это одна из важных проблем в театральном искусстве, требующих решения. Мысли, которыми я собираюсь сейчас поделиться, вам покажутся,

но менее некоторые ваши произведения посвящены фронтовикам, их судьбам — военным и послевоенным.

— Война проходит через души не только тех людей, которые воевали. Нет в Сибири деревни, откуда бы не уходили мужики на фронт. Мой городок Черемхово расположен в самом центре Сибири — и оттуда шли на войну. Рассказы фронтовиков потрясли нас, мальчишек, родившихся сразу после войны. Может быть, поэтому мы и выросли ра-

мире, красоте, мудрости.

Военные годы породили особое человеческое братство. Люди делились последним куском хлеба, выживали раненых, помогали друг другу. Но миновала трудная пора, в наши дома не сразу, но пришло благополучие. И тут выяснилось, что испытание благополучием гораздо сложнее вынести, чем трудности военных и послевоенных лет. Собственно, эта тема для меня стала как бы логическим продолжением темы войны —

сколько огромна радость их познания!

— В нашей литературе принято называть молодыми и тех писателей, кому далеко за сорок... Интересно, как вы отвечаете на такой вопрос: считаете ли вы себя молодым литератором?

— Нет. Я начал писать с четырнадцати лет и молодым считал себя в двадцать пять. Более того, меня возмущает, когда молодыми называют сорокалетних. К тому же, как мне кажется, моя драматургическая судьба сложилась вполне удачно: около двадцати моих пьес идет в разных театрах страны, есть пьесы еще непоставленные... — В «Советском писателе» готовится ваш сборник повестей «Круги»...

— Да, в сборнике четыре повести. Первая, во многом автобиографичная, так и называется — «Круги». Она состоит из нескольких рассказов из жизни героя, которая идет как бы по кругам жизни, познавая и осмысливая ее. «Любовь Емельяна Крикова» — повесть в письмах. В другой повести, «Надя», речь идет о художнике, который приезжает в деревню, — встречается здесь с девочкой-инвалидом (она попала в автомобильную катастрофу), о ее странной любви к нему. И наконец последняя — киноповесть «Польнь».

— Значит, вы изменили драматургии?..

— Изменил не было. Проза — моя первая любовь. И вот только сейчас, на пороге своего сорокалетия, думаю о том, что теперь уже, может быть, большую часть жизни я отдаю именно ей, а не драматургии — наверное, все же по приросту своей я больше рассказчик, чем драматург.

— И все же, что вы сейчас пишете?

— Пьесу.

Беседу вела
Т. КУЗЬМИНА

Михаил
ВОРФОЛОМЕЕВ:

ПОЛЬНЬ — ТРАВА ГОРЬКАЯ

век, что определяет его поступки и чего он хочет от жизни.

— Действие ваших пьес происходит, как правило, в «глубинке», в небольшом городке или селе, где все знают друг друга. Используя существующую терминологию, можно сказать, что вы писатель-«деревенщик».

— Думаю, что так и есть. Меня действительно очень интересует деревенский человек. Но не это самое важное. Главное мерило творчества, по-моему, — правдивость. И в этом случае не так уж существенно, по какому ведомству вас числят критики. А впрочем, сам я никогда не размышлял над этой проблемой. Для меня это никакой роли не играет. Хотя по своим социальным корням и по творчеству я, конечно же, «деревенщик».

— А какие «мотивы» вас волнуют сегодня?

— Все те же — наше отношение ко всему живому. Это если говорить в «глобальных» масштабах. А если о частностях, то не могу спокойно думать о бюрократах, особенно в искусстве. Уверен, даже самый лучший драматург может рассказать, сколько он претерпевает бед,

быть может, крамольными. Я противник так называемой производственной пьесы. Говорят: нужна связь производства с театром. Какая связь? Она всегда одна-единственная: сегодняшний рабочий пришел и увидел «Фауста». Как мне кажется, главное — исследование души, ее движения, а не то, как выполняется план. Пусть об этом думают министры!

Как драматурга и как просто зрителя менястораживает появление жестоких пьес. Не по сути, а по форме. Меня приковывают к креслу и два часа терзают музыкой, световыми эффектами. Я не говорю, что такое искусство не имеет права на существование, просто я его не понимаю и не принимаю. Как мне кажется, это и есть проявление плохого вкуса. Надо быть требовательным к своему труду, я отношу это и к себе, чтобы потом собственная нетребовательность не проросла сорняком на сцене, чтобы не стыдно было смотреть в лицо сидящим в зале людям...

— Михаил Алексеевич, вы человек молодой, тем

но, рано начинали думать о жизни, о ее цене. Безногие, безрукие люди — они быстро умирали. Я их помню. Чтобы отдать им дань, я и написал «Польнь». Это первая пьеса, которую я решил показать зрителям. То, что она ранняя, сегодня я сам лично ощущаю очень сильно. Если в «Польни» действие происходит уже после войны (польнь — трава лечебная, ее очень много в Сибири, настоящей горек, но на родной стороне и раны заживают быстрее), то в «Окопах» — в самом начале войны, в августе 1941 года. Это была моя попытка осмыслить войну как социально-историческое явление человека на войне через конкретного героя — генерала Огарева. Что заставило его надеть солдатскую шинель и вместе с рядовыми пойти в атаку, чтобы прорвать кольцо окружения, в котором они оказались? Мне хотелось поразмышлять о тех чертах народного характера, которые проявляются наиболее ярко в решающие моменты в жизни государства, рассказать о человеке в окопе, его внутреннем

испытание сытостью и вешизмом. Об этом пьесы «Святой и грешный», «Летела птица розовая».

— В последние годы заметно возрос интерес к истории, документу. Не обошли и вы историческую тему в пьесах «Хабаров», «Александр Невский». Что вас лично привлекает в исторической теме?

— Не зря историю называют наставницей. Она действительно поучительна. Мы обращались к ней и в трудные военные годы, когда ощутили как никогда раньше свое родство с предками. Прошлое — прообраз дня сегодняшнего.

Мне хотелось более пристально всмотреться в тех людей, которые оставили свой героический след в истории. Каков был их мир? Чем они жили? Когда поступило предложение экранизировать роман В. Иванова «Русь изначальная» на киностудии имени М. Горького, взялся за сценарий вместе с режиссером Г. Васильевым с большим энтузиазмом. Мне было интересно работать с историческими документами. Сколько загадочности, таинственности хранят они. И